

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

А. М. Никулин

Олигархоз как преемник постколхоза

НИКУЛИН Александр Михайлович — кандидат экономических наук, доцент, руководитель Центра крестьяноведения, Интерцентр, МВШСЭН (Москва, Россия).

Email: nik@universitas.ru

Данная статья посвящена новому явлению в российской действительности — олигархозам, под которыми понимаются сверхкрупные аграрные предприятия, перешедшие из коллективной собственности в частную. Работа основана на материалах полевых исследований, проведённых в сёлах одного Пермского района в 2008 г. Автор изучал следующие вопросы: как возникали олигархозы? какие отношения складывались между сельскими сообществами, государственными органами и олигархами? в чём состояли сходства и различия постколхозов и олигархозов?

Ключевые слова: аграрные предприятия; сельская олигархия; семейная экономика; государство и сельское хозяйство.

В наступившем столетии в России с новой силой проявилась аграрно-экономическая тенденция создания крупных и сверхкрупных аграрных предприятий, но уже на базе не коллективной, а частной собственности. Эти предприятия, так называемые агрохолдинги олигархов, стремительно устанавливают политико-экономический контроль над миллионами гектар земли и тысячами деревень России.

Таким образом, начинается новая эра в трансформации сельской России от бывших постсоветских коллективных предприятий 1990-х годов, которые в статье называются «постколхозы», к новым гигантским частным аграрным предприятиям, которые предлагается назвать «олигархозы». На основе материалов полевых исследований, проведённых летом 2008 г. в сёлах одного пермского района (в статье названия района и сёл изменены), анализируется ряд вопросов. Как сельская олигархия возникла из индустрии города и бюрократии государства? Что представляют собой сельские постколхозные сообщества накануне прихода в них аграрной олигархии? Каким образом попадают сельские сообщества под контроль агроолигархов, и какие при этом возникают взаимоотношения между сообществами и олигархами? Каковы сходства и различия в менеджменте постколхоза и олигархоза? Какова роль государства и местной администрации в регулировании взаимоотношений между селом и агроолигархом? Насколько серьёзны и глубоко текущие сдвиги от постколхоза в сторону олигархоза, и каковы их региональные особенности? Как маргинализация сельского населения взаимосвязана с развитием исторического союза олигархии и бюрократии в управлении провинциальной Россией?

Главный вывод исследования: сельское сообщество само по себе является важнейшим условием любых аграрных преобразований.

Успехи и неудачи аграрных инициатив в России зависят от умения и неумения внедрять новые аграрные проекты в долговременные основы жизни сельских сообществ

Олигархические агрохолдинги и постколхозы

«Олигарх» — очень модное слово в общественной жизни современной России. Иногда им злоупотребляют, называя так любого богатого русского, который не скрывает своего достояния, а демонстрирует его как собственник роскошных автомобилей, яхт и особняков. Но слово «олигарх» в своём строгом значении предполагает не просто богатого и очень богатого человека, а подразумевает доминирование в политической жизни общества [Hoffman 2002].

В постсоветской России крупные и крупнейшие новые владельцы приватизированной советской собственности довольно быстро ощутили вкус к власти, и к концу 1990-х годов эти олигархи государственного и регионального масштаба оказывали серьёзное влияние на слабеющую власть позднеельцинского режима.

Считается, что так называемая Эра Путина с её укреплением вертикали власти ознаменовалась решительной борьбой с олигархами. В этой борьбе от олигархов требовалось, во-первых, подчинить свои политические амбиции Кремлю, во-вторых, направить свои капиталы в русло социально-экономических задач государственной политики. При выполнении этих двух основных условий олигархам обещались гарантии неприкосновенности их громадной собственности, сформировавшейся в смутные годы шоковой приватизационной терапии [Guriev, Rachinsky 2004: 4–5].

Правомерно различать олигархов общероссийского и регионального уровня. Олигархи общероссийского уровня, как правило, долларовые миллиардеры и мультимиллионеры, чьи финансово-индустриальные капиталы основываются на нефтегазовых и горно-металлургических отраслях промышленности. Олигархи регионального масштаба, долларовые миллионеры и мультимиллионеры, кроме местных сырьевых предприятий и банков, могут владеть предприятиями самых разнообразных отраслей местной промышленности. Не стоит недооценивать региональный российский уровень. По площади и количеству населения российские регионы (области, края, республики) в среднем не уступают ни компактным государствам Европы, ни обширным государствам Азии и Латинской Америки. И в российских регионах кипят «шекспировские страсти», связанные с борьбой за контроль над властью и собственностью.

В 1990-е годы считалось, что понятия «олигарх» и «сельская местность» в России несовместимы меж собой. Постсоветский олигархизм родился и возрос в русских мегаполисах и крупных индустриальных центрах и первое постсоветское десятилетие брезговал появляться в сельской местности, считавшейся сферой депрессивной и неприбыльной [O'Brien, Patsiorkovski 2006]. Однако после финансового кризиса 1998 г., в последовавшее за ним десятилетие, в сельской России стремительно, как грибы после дождя, стали расти гигантские агропредприятия, финансировавшиеся обычно городскими олигархическими структурами. Так возникали агрохолдинги — сверхкрупные вертикально интегрированные аграрно-промышленные группы, контролирующие порой сотни тысяч гектаров земель, включающие в себя десятки различных предприятий.

Причина возникновения олигархических агрохолдингов коренится в совокупности действия нескольких политэкономических факторов. Так, одним из последствий дефолта 1998 г. стало резкое снижение стимулов к импорту сельскохозяйственной продукции в Россию и, наоборот, рост стимулов к собственному аграрному производству. Последовавшие затем несколько относительно урожайных лет ещё более усилили интерес к вложению капиталов в сельское хозяйство. По некоторым оценкам,

в начале 2000-х годов нефтяной бизнес приносил 80% годовых, а зерновой — 400%. Именно в это время гигантские, прежде всего, сырьевые (нефтяные, газовые, металлургические) олигархические компании стали стремительно создавать собственные аграрные империи. В настоящее время крупнейшие из них контролируют сотни тысяч гектаров земли и объединяют в себе десятки бывших колхозов и совхозов [Серова 2002; Узун 2004].

Имеются различные формы типизации агрохолдингов. Формально-статистическая типология учитывает характеристику холдингов по размерам (крупные/мелкие холдинги), по регионам (федеральные, межрегиональные, региональные, местные), по отраслям земледелия и сельской переработки.

Агрохолдинги, конечно, сразу же столкнулись с проблемой оптимальной концентрации производства, которую ещё в 1920-е годы ясно и чётко проанализировали аграрные экономисты школы Александра Чаянова [Чаянов 1928]. Громадные транспортные издержки, бюрократическая несогласованность действий менеджмента, вялое стимулирование производительного труда и, в целом, проблематичность эффективного и оперативного контроля использования ресурсов, оборачивающаяся печально знаменитым российским воровством, — всё это вновь сполна проявилось в новейшей истории крупных российских аграрных предприятий. Вместе с тем, агрохолдинги серьёзно запутались и в специфических постсоветских хозяйственных противоречиях.

За несколько лет холдинги успели обзавестись собственной сложной социально-экономической иерархией с рыхлой организационной структурой разнотипных предприятий, непрозрачными отношениями получения и распределения прибыли. Противоречия между самими агрохолдингами выражаются в обострении конкурентной борьбы. Многие аналитики полагают, что 2000-е годы в сельском хозяйстве являются аналогами периода конкуренции 1990-х в нефтяном и металлургическом бизнесе. Достаточно пролистать подшивки изданий аграрно-экономической прессы и посетить тематические интернет-сайты за последние годы, чтобы в глазах зарябило от информации о конфликтах холдингов по поводу передела агропромышленной собственности. И чего же тут только не делят! Масложировые комбинаты и свинокомплексы, птицефабрики и элеваторы, колхозы и совхозы... Особенно тяжела участь аутсайдеров — отдельных постколхозов, прямо не входящих «под крышу» олигархов или губернаторов. Зафиксированы уже сотни случаев преднамеренных банкротств (особенно частых на плодородном Юге России) [Узун и др. 2009].

Новые крупные собственники-инвесторы, в широких масштабах скупая сельские предприятия, оказывают большое и неоднозначное влияние на местные сельские сообщества. С одной стороны, они часто проводят чистку менеджмента, руководство которого, как правило, состоит из сельских семейных кланов, управлявших до этого сельским предприятием в собственных интересах. С другой стороны, нынешние руководители агрохолдингов бывают незнакомы со спецификой управляемых ими аграрных предприятий. И в результате, просуществовав всего лишь несколько лет, такие холдинги сами попадают в тяжёлую экономическую ситуацию, ведущую к банкротству.

Фатальная слабость российских агрохолдингов заключается в их неукорененности в повседневную сельскую жизнь — в миры сельских домохозяйств и сообществ. Гигантские североамериканские и западноевропейские агрокорпорации имеют развитые контрактные отношения с семейными фермерскими хозяйствами на местах. Российские холдинги в основном, как и в советские времена, ориентированы на массу наёмных сельхозрабочих, получающих невысокую зарплату и помаленьку приворывающих ресурсы крупных предприятий для своих личных подсобных хозяйств [Koester 2007].

Тема новейших олигархических агрохолдингов, безусловно, должна быть рассмотрена не только «сверху» формально-статистическими методами, но и «снизу» — методами качественными, в ходе сельских

полевых исследований. Именно так и на уровне региона, района, села, семьи, отдельного человека должны изучаться ключевые вопросы, связанные с феноменом роста российского агроолигархизма [Никулин 2002]. Как отмечалось выше, в своем анализе я называю все предшествующие периоду экспансии олигарха в сельскую местность формы аграрных предприятий *постколхозом*, а предприятие, которое создаёт олигарх на месте постколхоза, — *олигархозом*.

Постколхоз, таким образом, это юридически трансформировавшееся за последние 15 лет бывшее советское предприятие (совхоз или колхоз). Множество юридических форм в процессе такого рода структурных преобразований мог примерить на себе постколхоз: превращение в различного типа акционерные общества, сельскохозяйственный кооператив, союз фермеров. Колхоз мог так перетрансформироваться по нескольку раз, но при этом мало менялась его социально-экономическая сущность, заложенная в советский период, — быть не просто экономическим предприятием, но социальным институтом жизнеобеспечения местного сельского сообщества. Независимо от постсоветских процессов концентрации и дифференциации собственности и земли внутри предприятия, постколхоз упорно стремился оставаться институтом, соблюдающим интересы не только экономические, но и социальные, действующим на благо не только отдельных лидеров, но и всего сельского сообщества. Это стремление в большинстве случаев в постсоветский период оканчивалось неудачей¹.

Олигархоз в отличие от постколхоза, пытающегося существовать на более-менее равном кооперативном принципе распределения земельных и имущественных долей бывшего колхоза, представляет собой консолидированное частное предприятие, возникшее в результате продажи земли и имущества постколхоза олигарху. При этом олигарх обнаруживает, что вместе с землей и имуществом он получил также и постколхозные социальные проблемы, которые нельзя игнорировать и в которых волей-неволей ему предстоит участвовать [Visser 2009].

Обратимся к конкретному анализу материалов сельских социологических исследований собранных в 2006 и 2008 годах во время полевых исследований двух деревень — Агеевка и Борисовка Куранского района Пермского края.

Сёла и олигархи Куранского района Пермского края

Пермь — старый и мощный центр уральской машиностроительной и химической промышленности, в котором сейчас проживает почти миллион человек. В XXI столетии, с началом российского нефтяного бума, Пермский край имел повышенные показатели развития, благодаря ярко выраженной специализации его индустрии на нефтегазоперерабатывающей промышленности. Если сама Пермь, а также несколько местных нефтегазохимических городов развивались последнее время достаточно успешно, то остальная обширная территория края, состоящая из малых городов и деревень, в целом так и не оправилась от постсоветской экономической депрессии.

Следует также отметить, что знаменитая постсоветская социально-экономическая дифференциация ярко проявилась непосредственно в самой Перми, где сформировался богатый и могущественный слой предпринимателей, топ-менеджеров, а также высших пермских чиновников, имеющих, как правило, собственный частный бизнес. Эти люди часто представляют собой настоящих миллионеров с соответствующими признаками богатства: дорогими автомобилями и яхтами, загородными особняками в России и за рубежом. Когда они на мощных кроссоверах рулят по сельским дорогам к своим обширным дачным поместьям, выстроенным в особо живописных уголках пермских сельских

¹ История трудностей постколхозного строя в условиях глобальной приватизации наиболее полно, на наш взгляд, исследована в работе немецкого социального географа Петера Линднера [Lindner 2008].

ландшафтов, сельские жители, провожая их взглядом, констатируют: «Гляди, олигархи поехали!» Это определение оказывается достаточно точным для местного сельского ландшафта, ведь эти хозяева мощных внедорожников действительно не только богаты, но и могущественны по сравнению, как с местными жителями, так и с местной сельской властью.

Куранский район по преимуществу сельскохозяйственный, расположен в 170 км от Перми, столицы Пермского края, и в 1200 км от Москвы.

Куранский сельский район оказался в числе многочисленных и типичных депрессивных регионов, как Нечерноземья России, так и Пермского края. В настоящее время в районе проживают около 14 тыс. человек, причем половина из них (7 тыс.) — в районном центре. Большинство колхозов и совхозов, существовавших на территории района, полностью разрушены в постсоветский период. На такой важной водной артерии для района, как река Кама (вся восточная часть района представляет собой западный берег этой реки, ширина русла которой приблизительно 1,5 км), также резко сократилась транспортно-экономическая активность. Это привело к уменьшению в разы объёмов местного речного судоходства и — в том числе — к полной остановке водного пассажирского сообщения.

В районе, как и в целом по России, в течение последних 15 лет смертность значительно превышает рождаемость. Происходит драматичное старение населения. Кроме того, из-за спада, прежде всего, местного сельскохозяйственного производства проявилась значительная безработица, вынуждающая местное экономически активное население мигрировать и часто навсегда уезжать из сёл в поисках заработков — в крупные городские центры России, от Перми до Москвы. Бюджет Куранского района примерно на 80% дотационный².

Агеевка и Борисовка — два куранских села, расположенные друг от друга на расстоянии 15 км; имеют приблизительно схожие социально-экономические параметры: площадь, количество жителей (почти 1000 человек в каждом селении), социально-экономические проблемы (неразвитая социальная инфраструктура, низкая зарплата).

По ландшафтному местоположению Борисовка, раскинувшись по высокому берегу широкой Камы, выглядит привлекательнее Агеевки, расположившейся в котловине лесистых предуральских холмов, а по своему социально-экономическому положению Борисовка до последнего года явно уступала Агеевке. В советские времена на территории обоих сёл успешно работали колхозы, в окрестных лесах находились леспромхозы, которые прекратили своё существование в постсоветское время. Агеевский постколхоз еле выжил, обеспечивая местных жителей работой; борисовское предприятие в 2005-м окончательно обанкротилось.

Тем не менее, у Борисовки в 2007 г. неожиданно появилось серьёзное преимущество перед Агеевкой: в село пришел солидный инвестор. Борисовка находится на берегу Камы, поэтому здесь стали покупать дома дачники из Перми, а в их числе оказался один крупный пермский предприниматель, которого местные жители тут же прозвали олигархом.

Пермские олигархи навещали Куранский район и селились в нём и ранее. Эпицентр их жизненного мира находится на территории села Калиновка, расположенного в 150 км от Перми, на живописных склонах камского берега, покрытого сосновым лесом. Но эти олигархи не проявляют особой политической и экономической активности, ведя замкнутый, дачный, образ жизни в глухих живописных уголках района. Не таким оказался борисовский олигарх, страстный охотник. За короткое время он организовал в окрестностях Борисовки оленью ферму (разведение маралов), приступил к строительству гостиницы

² Приведённая цифра бюджетного дефицита была названа руководителем куранской районной администрации в интервью социологам летом 2008 г.

на четыре десятка человек и формированию местного туристического комплекса, а главное, полностью скупил у борисовцев их земельные доли, оставшиеся от обанкротившегося совхоза, и основал новое крупное сельскохозяйственное предприятие «Борисовка», специализирующееся на картофеле. Таким образом, в Борисовке вновь появились рабочие места и серьёзные перспективы для развития. Более того, через некоторое время хозяин «Борисовки» попытался скупить земельные паи постколхоза Агеевки, что привело к росту социального напряжения в этом селе. Развернувшееся противостояние двух соседей-агропредприятий — олигархического холдинга «Борисовка» и постколхоза «Агеевка» — высветило глубинные социально-экономические противоречия, характерные для сёл нечерноземной России.

Постколхоз под угрозой олигарха?

В целом, на территории Куранского района из бывших 15 колхозов и совхозов остались только четыре постколхоза, и один из них — в Агеевке. Хроника его сохранения и возможных перспектив развития была реконструирована в нарративах его членов и — в особенности — в интервью его председателя.

Сохраняя постколхоз

С 1991 г. в Агеевке уже дважды поменялась организационно-правовая форма бывшего колхоза: в 1994-м он стал товариществом на вере; в 2006-м — обществом ограниченной ответственности. Не менялась лишь его организационная сущность, поддерживаемая на протяжении последних 20 лет, с колхозным времён, его бессменным руководителем.

Руководитель этого предприятия стал здесь председателем колхоза ещё в 1986 г. В своих действиях и рефлексии он по-прежнему остается типично советским председателем с его главными проблемами: техническим перевооружением хозяйства и заботой о людях. Например, в своём интервью он, конечно, упоминал о значении роста социально-экономической эффективности, рентабельности хозяйства, без которых теперь просто не выжить предприятию в условиях обостряющейся рыночной конкурентной борьбы, но говорил об этом как-то неуверенно и менее охотно, чем о технике и людях своего хозяйства.

Предприятие и сохранило основные технико-экономические масштабы советских времён (площадь пашни даже чуть увеличилась со времен СССР, при этом животноводство существенно сократилось), но производительность труда за почти 20 лет выросла мало, что оборачивается фатальными угрозами для его конкурентоспособности не только с западной, но уже и с российской продукцией. Работники получают здесь маленькую зарплату, но и она периодически задерживается. В последние годы всё более проявляется утечка кадров. Кроме того, у предприятия не хватает сил широко поддерживать, как в былые времена, местную социальную инфраструктуру. Между тем, проблема социальной инфраструктуры, как её называют в России, есть самый основной и болезненный вопрос существования российской деревни.

Поддерживая равновесие социальной инфраструктуры

С советских времён деревенский сельсовет, не имевший собственных финансово-материальных ресурсов и рычагов, через депутатские решения лишь обращался к колхозу, который реально занимался проблемами всего муниципального благоустройства и функционирования. Тогда колхоз получал государственные льготные кредиты и строил на них школу и детсад, амбулаторию и клуб, строил и поддерживал местные дороги, водопровод и освещение. В постсоветские времена почти все эти

направления хозяйственной жизнедеятельности были переданы в ведение агеевского муниципалитета (клуб, дороги) или государства (школа и больница). Председатель за своим постколхозом оставил лишь водопровод. По закону его обслуживание также должно быть передано муниципалитету, но в существующей экономической ситуации сделать это невозможно, так как у муниципалитета просто нет средств поддерживать водопровод в работоспособном состоянии и, чтобы водопровод действовал, им по-прежнему занимается постколхоз.

Постколхоз также очищает местные дороги от снега зимой, хотя и эта функция закреплена за муниципалитетом. Наконец, постколхоз, когда это необходимо, выделяет автотранспорт для перевозки агеевских школьников на культурно-спортивные мероприятия в район или грузовой автотранспорт для разовых хозяйственных целей села.

За это постколхоз не платит налогов в муниципальный бюджет, ссылаясь на свою тяжёлую экономическую ситуацию.

Подобного рода компромиссное взаимодействие между постколхозом и муниципалитетом осуществляется на основе личных договорённостей между двумя руководителями. Неформальным образом между ними перераспределяются и оптимизируются экономические функции поддержания местной жизнедеятельности и экономики. Муниципалитет не в состоянии обеспечить работу водопровода. Хотя если бы кооператив заплатил налоги, у муниципалитета, не исключено, появились бы средства на содержание водопровода. Но уплата налогов постколхозом могла бы оказаться фатальной для его балансирующей на грани выживания экономики. В случае его дальнейших экономических неудач на территории агеевского поселения возрастет безработица, а если постколхоз разорится, то исчезнет и возможность налоговых поступлений, надежды на которые все ещё сохраняются у агеевского муниципалитета.

Взаимодействие с семейными экономиками

Агеевские домохозяйства были прочно интегрированы в колхозную экономику; также они активно вовлечены и в экономику постколхоза. Уже много лет агеевские частники не косят сено; за них это делает постколхоз, который заготавливает для семейных хозяйств и сено, и корма, развозит их по дворам по умеренно-льготным ценам, отчасти в счёт семейных паев, находящихся в аренде предприятия. Домохозяйства покупают для себя телят в постколхозе. Само собой, весной приусадебные огороды домохозяйств обрабатываются тракторами агропредприятия без денежной оплаты, лишь в счёт земельного пая. В случае необходимости экстренной помощи агеевские семьи тоже обращаются к председателю кооператива, который поясняет это таким образом: *«Если что, горе у кого-то, то приходим к председателю. У него в кооперативе и пилорама, и столярка. Если кто умер, то не в Куранск же к частнику за гробом ехать, там платить ему большие деньги. Гроб можно у нас изготовить, в срок и недорого»*.

Впрочем, в отношениях между постколхозом и домохозяйствами всё обстоит не столь идеалистично. Коренное изменение, произошедшее в постсоветские времена, заключается в том, что колхозные земли оказались поделёнными на земельные паи бывших работников колхоза. Размер пая на одного человека в Агеевке составляет 7,6 гектара. Постколхоз арендует эту землю у агеевцев за символическую по нынешним временам плату — 500 рублей в год, и, как мы видели, оказывает ряд услуг агеевцам по умеренно льготным ценам. Но суть в том, что на доходы от такой аренды и таких льгот агеевская семья, конечно, существовать не может. Агеевцы идут работать в постколхоз, а там — низкие зарплаты (в среднем две — шесть тысяч рублей в месяц), которые время от времени ещё и задерживают. И тогда налегающие на работу в своих подсобных хозяйствах агеевцы — традиционно, как и в колхозные

времена — что-то подворовывают из постколхоза для своих домохозяйств. Председатель соглашается, что такая проблема есть, но он на неё, фактически, закрывает глаза, утверждая, что с советских времён народу в кооперативе стало работать меньше, население Агеевки в целом постарело, поэтому и меньше трудится в своих подворьях, а следовательно — и меньше, чем в своё время из колхоза, приворовывает.

В целом, чрезвычайно важным является значение неформальных, то есть законно неоформленных, отношений между кооперативом и домохозяйствами, что особо подчёркивает председатель: *«Мы тут друг с другом стараемся договариваться по-домашнему, чтобы, фактически, на слово друг другу верить. Вот арендные отношения и оборот паёв у нас проходят здесь не совсем законно. Например, сейчас требуется, чтобы право на земельный пай было заверено нотариально для совершения арендных сделок. Но мы на это не обращаем внимания, просто меж колхозом и домохозяйством на счёт пая бумагу подписываем. У нас тут отношения доверительные».*

И эту доверительную неформальность председатель старается поддерживать и на других направлениях агеевской жизнедеятельности, например, лет 10 назад он завёл прудовое хозяйство на месте слияния нескольких маленьких речушек, вытекающих из Агеевки. Пруды — хозяйство частное, но местные агеевцы на их берегах могут бесплатно удочкой ловить рыбу (для приезжих рыбалка — удовольствие платное). А когда на зиму воду спускают из прудов, значительные остатки рыбы, которую нет возможности продать на рынке, бесплатно раздаются жителям Агеевки.

Взаимодействуя с государством

Когда председатель говорил о государстве, то было заметно, что, формально являясь главой частного предприятия, по сути, он остаётся руководителем, осознающим свою прямую связь с государством. В его речи часто звучала тема общегосударственных интересов, которые осуществляет и его постколхоз: производство сельхозпродукции, сохранение рабочих мест на территории агеевского поселения, поддержание местной сельской инфраструктуры и культуры. К сожалению, признаёт он, со всеми этими тремя направлениями его предприятие справляется с большим трудом.

Причины такой тяжёлой ситуации председатель во многом связывает именно с невнятной государственной политикой. Типичны его сетования на ценовые ножницы между сельской и городской продукцией, а также замечание, что дотации в сельское хозяйство России недостаточны по сравнению, например, с уровнем дотаций, выделяемых в странах Евросоюза. Но традиционны и его надежды на государство, поддерживающее техническую модернизацию: *«Первая большая беда, что у нас износ техники очень большой; 80% износ техники; ведь мы работаем ещё на технике Советского Союза... Только в последние два года что-то стало меняться. В прошлом году мы два комбайна получили новых. Холодильник для охлаждения молока, молокопровод. Здесь с государством работаем по принципу софинансирования — часть наших денег, часть бюджетных денег; будем покупать два трактора “Дойч фаррен”. Если старых наших тракторов штук пять надо, то этих двух будет достаточно. Кадры пока ещё есть, есть ещё, кого посадить на эти трактора. В других хозяйствах и техника вновь появилась, а людей имеющих квалификацию, не осталось. У нас ещё есть люди, и они будут работать».*

Оговорка о нехватке квалифицированных людей чрезвычайно характерна. На многих сельхоз-предприятиях России в современных условиях уже не технический, но кадровый вопрос является самым насущным. И это явно заметно в окружающих Агеевку селах, где пытаются заново, с нуля, создавать крупные агропредприятия. Главная проблема — там вообще не осталось специалистов. Прежние в постсоветское время в большинстве своём ушли в город. Молодёжь из деревень идёт

учиться в сельхозтехникумы и сельхозвузы, но, получив образование, предпочитает работать не по сельскохозяйственной специальности.

Председатель подчёркивает, что хотя сейчас и имеются государственные программы поддержки сельскохозяйственного образования молодежи или строительства сельских домов для молодых семей, реализуемые на принципах софинансирования (часть средств предоставляет государство, часть — семья или сельхозпредприятие), но эти программы выполняются с трудом. С одной стороны, молодёжь, несмотря на такие программы, предпочитает уходить в города; с другой стороны, население и предприятия в сёлах так бедны, что часто не могут найти необходимые финансовые средства, чтобы вступить в долю с государством ни для получения молодёжью образования, ни для строительства жилья.

Ещё одно направление современной государственной политики в области поддержки села вызывает беспокойство председателя — помощь, в основном, особо крупным и сверхкрупным агропроизводителям. Например, инвестиции от государства в Пермском крае направляются, прежде всего, на реконструкцию и развитие крупных и сверхкрупных животноводческих корпусов. По этим государственным критериям молочно-товарные фермы агеевского постколхоза недостаточно велики.

И в целом, признаёт председатель, его постколхоз беден капиталами, а государство стремится устанавливать партнёрские отношения, прежде всего, с теми, у кого имеется собственная солидная финансовая база. Но на селе у подавляющего числа предприятий такой финансовой базы нет, а потому государство приходит на село в партнёрстве с различными городскими компаниями, решающими вложить свои ресурсы в сельское хозяйство. Такие компании (часто пользующиеся поддержкой государства) на селе воспринимаются как олигархические инвесторы, которые стремятся коренным образом переделать сельскую жизнь, подчинив её контролю городской финансовой олигархии.

Контактируя с олигархами

Экспансия городских олигархов в сельскую местность, безусловно, вызывает беспокойство председателя. Так, упомянув ряд рейдерских банкротств сельскохозяйственных предприятий в Пермском крае, председатель привёл в пример и собственный опыт взаимодействия с городской олигархией. В соседней Борисовке поселившийся там сначала на отдых пермский олигарх вскоре решил заняться сельскохозяйственной деятельностью и в массовом порядке стал скупать земельные пай, как оказалось — не только у жителей этого села, но и в соседних деревнях, в том числе и в Агеевке. Делалось всё скрытно. Когда эта централизованная скупка агеевских земель обнаружилась, олигарха пригласили на собрания трудового коллектива постколхоза и жителей агеевского поселения, но он отклонил предложения о встрече.

Постколхоз и поддержавший его муниципалитет в этой ситуации действовали решительно. Было объявлено, что продавшим свои земельные доли будет отказано со стороны постколхоза в любой помощи в их личном подсобном хозяйстве: ни огорода им не вспашут, ни сена не заготовят и не привезут, ни дров на зиму не доставят.

Когда одна из продавших свой пай агеевских хозяек попробовала лично договориться с трактористом постколхоза, чтобы он вспахал ей огород, тот, сохраняя кооперативно-поселенческую солидарность, резко ей ответил: *«Кому ты свой пай продала, тот тебе пусть землю и обрабатывает!»*

Апелляция к внутридеревенской кооперативной солидарности, подкреплённая кооперативным остракизмом по отношению к семьям, уже продавшим свои пай, возымела действие, и агеевцы прекратили продажу своих паёв борисовскому олигарху.

Тем не менее, забота о том, как сохранить самостоятельность постколхоза от экспансии возможных агроолигархов, является, кажется, одной из главных тревог председателя и его односельчан. Чтобы разобраться, насколько обоснована эта тревога, обратимся к анализу действий недавно поселившегося на границах их хозяйства борисовского олигарха.

Олигарх вступает в колхоз?

Борисовский олигарх не только выстроил себе дом, развёл оленей, построил гостиницу и скупил тысячи гектаров окрестных земель. Он вскоре стал активно лоббировать и возможности социально-экономического развития местного сообщества, например, добиваясь проведения газопровода в Борисовку, финансируя ремонт местной школы и церкви.

Олигарх согласился дать большое интервью, в котором достаточно откровенно анализировал направления и проблемы своей аграрной деятельности. Надо признать, что, несмотря на явно технократический бэкграунд инженера, владельца крупного металлургического производства в Перми, олигарху оказалась присуща и подлинная социально-антропологическая заинтересованность в окружающих его сельских процессах. Поэтому беседу он начал не с экономико-технократических, но социокультурных проблем, с которыми столкнулся в Борисовке.

Взаимодействуя с сельским сообществом

Итак, оказалось, что экономико-технократическую активность олигарха многие борисовцы встретили недоверчиво и даже враждебно. По мнению самого олигарха, это произошло оттого, что после распада и исчезновения колхоза местное население впало в своеобразную инволюцию натуральной экономики, в основном связанной с обработкой местных огородов, разведением пчёл, охотой и рыбалкой. Борисовцы сравнительно легко уступили ему свои земельные паи почти за символическую цену — один земельный пай (семь гектаров) за семь тысяч рублей, но часто упорно и изворотливо сопротивлялись новым производственным технологиям, которые принес с собой олигарх. Например, когда он — новый собственник окрестных земель — начал индустриально распахивать поля и химически удобрять их, это вызвало серию протестов местных жителей, которые стали писать в районную прокуратуру и местную газету жалобы на олигарха: якобы, распылением удобрений над картофельными полями он травил местных жителей и их пчёл. Сам олигарх так рассказывал об этом изначально возникшем противостоянии: *«Из девяти тысяч гектаров земли, которые пахались колхозом, последние годы не пахалось ничего. Сейчас мы... доведем распахивание до семи тысяч, а вот до бывших советских девяти тысяч уже не довести: многое здесь безвозвратно заросло и переменялось. Тем временем, у многих здешних людей уже сформировался определенный стиль жизни, такой, что они живут, как в лесу. Они ходят в лес, они держат пчёл. Когда мы заходим сюда с активным производственным циклом, мы в какой-то степени их социальный ритм нарушаем. Им уже нельзя ходить по полям и ездить, как тебе угодно, потому что поля — наши, и они распаханы нами, и на них уже не растёт ничья земляника. Уже растёт, допустим, наш горох вместо их земляники дикой. Мы начинаем распахивать мелколесье, которым зарастают поля, а там — грибы. А у них от этого опять отрицательные настроения. Вы же понимаете, современное сельское хозяйство уже не возможно без химии, принципиально... А мы с химией зашли в этом году сюда, вот получили очень много отрицательных эмоций от борисовцев на эту тему. Нас уже проверяли по их анонимным письмам, прокуратура на нас уже дело заводила».*

Олигарх, фактически, говорил о применении против него так называемого оружия слабых — анонимных сплетнях, жалобах и угрозах против власть имущих. По справедливому мнению олигарха, таков традиционно отработанный с царских времён способ сопротивления деревни: *«Этот принцип*

подписной тарелки крепостной русской деревни. По тарелке все подписывали свой протест. Клади тарелку и подписывались по её кругу — первой подписи найти невозможно. Вот, мне кажется, этот принцип тарелки до сих пор остался, то есть найти, кто конкретно говорил бы против меня, очень сложно. И, тем не менее, безымянные жалобы пишу. Раз в неделю, а иногда чаще».

Впрочем, по словам олигарха, он не ожесточился, а наоборот стал ещё больше стремиться заинтересовать деревню в сотрудничестве. И тут олигарх обнаружил, что, в результате, волей-неволей он и его предприятие стали выполнять все те же самые колхозные функции, связанные с поддержанием сельской инфраструктуры и культуры. По мнению олигарха, эта сельская ситуация абсолютно отличается от городской, но её невозможно игнорировать, с ней надо считаться, то есть брать на себя бывшие функции колхоза: «Если в городе, где у меня большое предприятие, я могу полностью абстрагироваться от социальной структуры, потому что там собираются муниципальные налоги, есть возможность нанимать людей на работу из других мест, в селе такой ситуации нет. Здесь получается, что социальная инфраструктура всё равно садится на местное предприятие. Вот, например, мы пускаем автобус из Борисовки в райцентр два раза, хотя я считаю, что это межпоселковое сообщение — типичная функция местной и государственной власти. Но делаю я.

Вот праздник села надо было провести. Проспонсировали мы почти 150 тысяч рублей — провели праздник в деревне, причем не только деньгами, но и мои брендменеджеры из конторы из Перми приезжали, организовывали праздник, т.е. всё, что положено: сценарий писали и даже катали на яхте борисовцев по Каме.

Итак, моя социальная функция постоянно усиливается. Сейчас мне говорят: надо участкового милиционера в деревню. Глава сельской администрации говорит: давайте вместе хлопотать, чтобы здесь появился участковый. Хотя почему это моё дело? Но в этой ситуации и мне надо участкового в деревню. Мы сейчас церковь восстанавливаем, потратили много денег на церковь. Очень активно занимались поисками священника и, наконец, нашли — будет свой батюшка. Год я, закалённый агностик, потратил на поиски православного священника для Борисовки».

Одна из причин такой обширной гуманитарной помощи местному сообществу заключается в том, что само это сообщество уже давно находится в глубоко депрессивном состоянии. Формально в Борисовке проживают около 900 человек, но реально и постоянно — около 600 человек (остальные 300 уже почти совсем перебрались в город и в Борисовке появляются лишь эпизодически). Среди оставшихся 600 — 270 пенсионеров и 110 детей. То есть реально трудоспособного населения примерно 200 человек. Из них почти 100 человек являются законченными алкоголиками-маргиналами. Остается 100 человек, из которых несколько десятков (в основном женщины) работают в школе, и ещё два десятка (в основном женщины) работают в местной администрации, медицинском пункте, на почте, в аптеке и двух маленьких магазинах. Для стремительно развивающегося аграрного предприятия олигарха остаётся местных работников не более 60 человек; из них у 20 также очень серьёзные проблемы с алкоголем. Как и в соседнем аграрном предприятии, в Агеевке олигарх столкнулся с серьёзной нехваткой квалифицированной рабочей силы, и ему приходится заниматься вопросами взаимодействия с семьями своих работников.

Взаимодействие с семейными экономикami

Взаимодействие с семейными экономикami олигарху пришлось начинать с сохранения здания школы и постройки жилья для привлечённых ключевых специалистов его картофельного холдинга — агрономов, инженеров, механизаторов.

Школа в Борисовке оказалась на грани закрытия, потому что существуют государственные нормативы количества учеников на сельскую школу, а их становилось все меньше и меньше. К тому же, не ремонтировавшаяся с советских времен система школьного отопления потребляет много энергии в морозные пермские зимы. В результате, обучение ученика в борисовской школе стоит примерно в два раза дороже, чем предписывают региональные нормативы. Губернатор Пермского края приезжал в эти места и, встречаясь с олигархом, порекомендовал ему: чтобы местную школу не закрыли, необходимо снизить затраты на одного ученика, не менее чем на 30%. Олигарх прислушался к совету губернатора и принялся осуществлять свой план спасения школы: *«Как можно снизить затраты на ученика в сельской школе? Создать новых детей, что не реально ни по времени, ни физически? Хотя к нам на работу приехали уже две семьи специалистов с детьми-школьниками, но этого, конечно, недостаточно... Тогда несёшь новые затраты, перестраиваешь у школы котельную, капитально ремонтируешь школьную отопительную систему. Таким образом, экономишь миллион школьных рублей в год, тем самым уменьшаешь затраты на одного ученика. Показываешь губернатору положительную динамику, школу оставляют в деревне».*

Будет школа в деревне — будет возможность привлечь сюда новых работников с их семьями. Олигарх обещает семейным специалистам школу для детей и жилье для семей.

С другой стороны, возможности развития личных подсобных хозяйств (ЛПХ) олигарх не стремится поддерживать, так как в них видит лишь конкурента своему производству и стремится мирным путём, комфортным для семей, препятствовать семейной занятости в собственных подсобных хозяйствах. Логика его рассуждений такова: *«Честно говоря, чем меньше личных подсобных хозяйств в деревне, тем мне лучше... потому что, например, цикл максимальной аграрной напряжённости совпадает у меня и в ЛПХ. Работники с 12-часовым и выше рабочим днём мне особо нужны в августе — в сентябре, но они также себе нужны в это время в своих огородах. В прошлом году мы им картошку дали — забирайте, сколько хотите! — чтобы они картошку свою не сажали и не копались с лопатой в огороде. Итак, я стараюсь людей оторвать от подсобного хозяйства, чтобы они работали в моем хозяйстве. Но, с другой стороны, если люди держат корову, я ведь не могу прийти и сказать им: “Зарежьте корову, иначе я вас на работу не возьму”. То есть у меня два выхода: либо начать бороться с их коровой, либо сделать так, чтобы эта корова минимально занимала их время. Поэтому я говорю: “Корову держите, но сено для неё косить не будете. Мы сами сено скосим, привезём вам его два тюка, в огород ваш скинем, и кормите свою корову всю зиму”. Для меня эти два тюка — тысяча рублей им цена — вообще не деньги. Мне важно, чтобы тракторист отработал нормально, а не ходил косить траву для своей коровы в 5 утра, а ко мне на работу приходил в 8 утра уже никакой».*

В мирном противостоянии развитию личных подсобных хозяйств олигарху особо досаждают пчёлы. Здешняя сельская местность — один из центров пермского пчеловодства, поэтому пчеловодов тут много и именно они, по мнению олигарха, являются главными активистами, защитниками цветомедоносов от экспансии картофельной химизации на борисовских полях. Обескураженный олигарх констатирует: *«В пчеловодстве очень высок лично-семейный фактор; здесь практически невозможно выстроить систему действенного контроля по всем системам управления, поставить управленческий учёт и менеджмент. Летают эти пчёлы, не летают, их никак не сосчитаешь...»*

Но и в отношениях с пчеловодческой оппозицией олигарх предпринял ряд компромиссных действий. «Ахиллесова пята» местного пчеловодства — неразвитость сбыта мёда. Пчеловоды по старинке расфасовывают свой мёд по банкам и, как правило, продают эти банки знакомым или случайным клиентам. В целом же сбыт семейного мёда не всегда гарантирован. И тогда олигарх обратился к пчеловодам с предложением сдавать мёд оптом на его предприятие, где он будет проверен, расфасован и продан. Пчеловоды выказали заинтересованность и начались переговоры.

Но история с мёдом домохозяйств — это лишь своеобразный десерт в меню экономических преобразований олигарха. Его главный экономический продукт — картофель. Его он собирается производить на окрестных полях в громадных количествах, используя для этого новейшие инженерные достижения, выстраивая вертикальную интеграцию выращивания и доставки картофеля — от поля до прилавка. Уже работают на его полях новейшие импортные тракторы, построены цеха и ангары для переработки картофеля и его расфасовки в пакеты с брендом «Антошка», — физиономией рыжего мальчугана, героя милого советского мультфильма. Олигарх заключил договоры на поставку картофеля в сеть крупнейших супермаркетов Перми, есть у него и планы продажи в другие регионы России. Стандартизации производства картофеля должна соответствовать и стандартизация рабочей силы на его полях, что он также собирается контролировать новейшими техническими средствами. Предмет особой гордости олигарха — электронный чип на каждом тракторе, благодаря которому, например, можно, находясь в Швейцарии, открыть свой ноутбук в реальном времени, при помощи спутниковой программы, наблюдать, куда едет тракторист по его полям.

Но откуда у этого пермского олигарха так много денег, что он может себе позволить заново распахивать тысячи гектаров земель новейшими импортными машинами, перестраивать школу и церковь, заниматься профессиональной переподготовкой работников и детей в деревне, поддерживать строительство шоссе и проведение газопровода в Борисовку? Дело в том, что в большинство этих проектов олигарх вкладывает не свои, а государственные деньги. И где в Борисовке деньги олигарха, а где — государственные, это не совсем ясный вопрос.

Взаимодействуя с государством

Так, проведение газа и строительство бетонной дороги в Борисовке осуществляется исключительно за счёт государственного финансирования. Олигарх лишь через краевых депутатов «подсказал» государству, что газ и дорогу нужно в первую очередь вести именно в Борисовку. При этом олигарх почти не скрывает свое скептически-ироничное отношение к российскому государству, подчеркивая, что вообще не желал бы с ним связываться, однако отмечает: *«К сожалению, инфраструктурные инвестиции в сельское хозяйство в Нечерноземье настолько велики, что если не пользоваться поддержкой государства, аграрный проект не окупится вообще никогда».*

По мнению олигарха, государственная власть и местное самоуправление в современной России представляют собой во многом ту же самую советскую власть, не сильно отличаясь от неё образом мыслей, способами действия и эффективностью. И хотя государство всячески призывает большой бизнес к взаимодействию, олигарх не доверяет такому партнёрству и поясняет почему: *«Есть русская поговорка: “С сильным не борись, с богатым не судись”. Вот также и с государством. Везде, где у нас есть так называемое партнёрство с государством, государство “начинает и выигрывает”. Все это партнёрство... — это такая ловушка для крупного бизнеса, чтобы у него деньги отобрать. Но так как отбирать у нас в Борисовке пока нечего, то... чиновники мне пока сочиняют предложения: “Подпишите, что вы в следующем году ещё тысячу гектар вспашите...” Вроде как советские планы мне спускают. А я стараюсь этого не подписывать...»*

И всё же подписываться под государственными планами олигарху приходится. Государство, следуя его (через депутатов) советам, инвестировало в Борисовку за два года уже около 100 млн рублей. Оно доверяет олигарху как управляющему менеджеру, проводнику краевой программы развития сельского хозяйства. Оно готово вкладывать в Борисовку и уже в другие окрестные сёла через всё того же олигарха новые деньги, но при этом, по словам олигарха, заявляет: *«Деньги ещё получите, но взамен вы должны на 10 лет написать программу своего развития. И прописать, сколько полей будете пахать, какую урожайность получите, сколько людей у вас будет работать и сколько денег вы отдадите государству».*

Олигарх и его команда всё это прописали и подписали. И тут же начались на полях Борисовки ежемесячные чиновничьи проверки с допросами даже местных трактористов: сколько собрано картошки? сколько вспахано полей? И как только выясняется, что в чём-то планы по вспашке и сбору картофеля оказались невыполненными, следует угроза заморозить финансирование и даже отобрать уже выделенные деньги. Олигарху приходится оправдываться, пояснять, что выращивание картофеля (как и любой сельскохозяйственной культуры) — это дело не очень предсказуемое. В 2007 г. собрали 200 центнеров картофеля с гектара — и не выполнили план. А в 2008 г. урожай оказывается выше плана.

Вообще, признает олигарх, в конце концов, можно договориться и скорректировать планы, но для этого надо идти к чиновникам, плакаться перед ними, рассказывать, обещать... В итоге, заключает олигарх, *«тебе могут скорректировать, а могут и не скорректировать цифры плана, в зависимости от той политической ситуации, которая сложилась, от твоих взаимоотношений с чиновником»*.

Но пока политическая ситуация с пермскими чиновниками для олигарха складывается в целом благоприятно. Уже дважды Борисовку и олигарха навещал лично пермский губернатор. Каждое такое посещение давало новый толчок развитию аграрно-экономического проекта олигарха.

Создавая олигархоз

Планы олигарха не ограничиваются возрождением постколхозных борисовских полей. Он не скрывает своих дальнейших амбиций и ищет пути присоединения к его предприятию земель окрестных постколхозов. Не только в Агеевке, но ещё в нескольких сёлах были замечены эмиссары олигарха, ведущие переговоры о продаже земли и имущества его борисовскому агропредприятию. В некоторые окрестные сёла олигарх навещался лично. Интересно, что в интервью он непременно упоминал значение историко-культурных особенностей каждого сельского сообщества, на территории которого он, возможно, будет развивать свой бизнес. С особым уважением, но одновременно и досадой, он отмечал сёла, отличающиеся большей семейно-родственной и кооперативной солидарностью и, как следствие, лучше сохранившейся местной аграрной экономикой. С этими сёлами вести переговоры о вхождении в предприятие олигарха труднее, но от них он ожидает получить и большую трудовую и экономическую отдачу. В целом, по оценкам олигарха, общую площадь его предприятия можно, увеличить с 7 тыс. гектаров ныне обрабатываемых полей до 30 тыс. гектаров. Основное направление экономической деятельности должен обеспечить картофель, а также ряд других агрокультур. Не исключено также развитие местной лесопереработки. Особо любимый проект олигарха — туристический: охота на оленей, рыбалка, зимнее катание на лыжах и снегоходах по окрестным уральским холмам.

Нужно отметить, что после двух лет недоверия борисовское сельское сообщество, в целом, всё более начинает уважать олигарха за его не только чисто экономические, но и социально ориентированные инновации. В настоящее время проолигархические настроения здесь растут, антиолигархическая критика снижается.

Но олигарх при этом всё больше вынужден заниматься не столько экономикой в западном смысле, сколько хозяйством в русском смысле, где термином «хозяйство» обозначается вся совокупность социально-экономических, а не только собственно экономических отношений. В таком случае олигарх впадает в очередной российский «хоз», где он является своеобразным демиургом-посредником между сельскими сообществами, возвышаясь над ними как патрон, и одновременно становится доверенным и подотчётным агентом государства. Государство через олигарха вкладывает свои средства в развитие деревни, и одновременно его проверяет и контролирует. Так, наследуя советскую традицию колхоза и более позднего постколхоза, развивается и формируется новейший аграрный институт России — олигархоз.

Впрочем, возможно, мы обнаруживаем в наших уральских деревнях отголоски ещё более ранних — не советских, а царских — традиций и инноваций [Humphrey 2008]. Пермские земли Россия в основном заселила и экономически освоила во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Экономическое развитие территории в то время связано в основном с хозяйственной экспансией знаменитого и богатейшего семейства соляных олигархов Строгановых, получавших значительные льготы от государства. В исторических хрониках упоминается, что Агеевка, Борисовка и еще целый ряд деревень были основаны при Строгановых, выполнявших, таким образом, программы социально-экономического развития окраин империи. Спустя 300 лет ситуация изменилась: государство, не способное развивать новые территории, стремится хотя бы удержать, не потерять, территории старые. И, как во времена Петра и Екатерины, оно мобилизует олигархов для наведения порядка на своих обширных маргинальных пространствах. Наш пермский кейс — это не единственный и не главный пример. Роман Абрамович в 2000–2008 годах по настоятельной рекомендации государства выполнял функции губернатора Чукотки. Его самый северо-восточный олигархоз в мире оказался весьма успешным к искренней радости чукчей и удовлетворению Кремля. Конечно, при этом не надо забывать о важных иерархических различиях в масштабах территорий. Как следствие, Абрамович получал Чукотку в управление, а пермский олигарх получает земли Борисовки и других окрестных деревень в частную собственность.

Постколхоз и олигархоз: сходства и различия меж ними, связь с сельскими сообществами России

В заключение ограничимся кратким аналитическим перечнем сходств и различий постколхоза и олигархоза, характеристикой их связи с сельскими сообществами России

Различия

- Постколхоз основывается на конгломерате прав собственности и неформальных отношений; олигархоз стремится установить единый консолидированный режим частной собственности на основе чёткого прописывания юридических правил.
- Постколхоз стремится поддерживать социально-экономический и культурный симбиоз между аграрным предприятием и семейными домохозяйствами; олигархоз стремится элиминировать экономику личных подсобных хозяйств, наглядно доказывая её зависимость от аграрного предприятия, а в перспективе — её невыгодность для работников агропредприятия.
- Постколхоз живёт воспоминаниями прошлого; олигархоз — проектированием будущего. Даже с точки зрения модернизации, постколхоз фактически ориентирован на индустриальную модернизацию (получить более производительные тракторы и комбайны). Олигархоз, само собой, проводит индустриальную модернизацию, но его главная цель — модернизация информационная (спутниковые чипы в тракторах, акцент в развитии не только на производстве, но также на формировании вертикальных моделей потребления — олигархозные бренды картофеля и мёда), формирование нового постиндустриального ландшафта на своей территории, связанного с развитием туризма.
- Постколхоз воспринимает себя почтительным слугой и подданным государства, выполняющим исконно важные социальные обязательства и взамен ожидающим заботу и покровительство от своего повелителя. Олигархоз считает себя партнёром государства и не испытывает к нему никакого уважения, полагаясь только рациональное знание того, что государство — это грозная бюрократическая сила, с которой надо уметь договариваться.

- Государство больше заинтересовано в сотрудничестве с олигархозом, чем с постколхозом, считая, что олигархоз имеет собственные ресурсы и эффективный менеджмент для участия в государственной аграрной политике.

Сходства

- Сельские сообщества Агеевки (постколхоз) и Борисовки (олигархоз) являются слабыми, малоинициативными, их официальные представители — органы сельского самоуправления — фактически оказываются бессильными в своих действиях из-за хронического тотального бюджетного дефицита. Впрочем, сельское сообщество Агеевки проявляет больше сознательной самостоятельности и солидарности, благодаря своей кооперативной вовлечённости в постколхоз. Сельское сообщество олигархоза самостоятельно лишь в применении так называемого потаенного оружия слабых [Scott 1985]. И постколхоз и олигархоз стремятся (вынуждены?) заботиться о сельском сообществе, поддерживая социальную инфраструктуру, образование и культуру, без существования которых будет невозможен сам процесс аграрного воспроизводства на этих предприятиях.
- В целом, и постколхоз и олигархоз остаются зависимыми от непредсказуемой воли государственной бюрократии.

Значение регионализации сельских сообществ

Каковы в целом перспективы трансформации сельской России из постколхозов в олигархозы? Конечно, невозможно по одному здесь представленному кейсу судить о перспективах развития сельской России. При попытке ответить на этот вопрос нужно, во-первых и прежде всего, учитывать региональный фактор. Представленный кейс демонстрирует проблему взаимодействия сельских сообществ, олигархии и бюрократии в северном Нечерноземье, которое является хронически депрессивным аграрным районом, недоурбанизированным и депопуляризованным. В этом регионе особенно велико значение государственного дирижизма в сельском хозяйстве.

Центрально-Чернозёмные и Южнорусские плодородные территории отличаются большей степенью урбанизированности, а также более густой населённостью аграрных площадей. Соответственно, сельские сообщества там относительно «полнокровнее», но рыночная конкурентная борьба не только между постколхозами и олигархозами, но и между самими олигархозами на плодородном Юге сильнее и ожесточеннее. В каждом регионе огромное значение имеет также местная аграрно-бюрократическая политика [Ioffe, Nefedova, Zaslavsky 2006; Фадеева 2009].

В России с давних пор любят дискутировать о том, какая форма аграрного производства, мелкая или крупная, более эффективная? Но главный вопрос для сельской России заключается не в этом, а в том, какие формы сельских сообществ являются жизнестойкими и способными к развитию? Как мы стремились показать, в нашем случае само по себе сельское сообщество является главной проблемой не только социально-экономической, но и экзистенциально-культурной как для постколхоза, так и для олигархоза [Hann 2003].

Литература

- Никулин А. М. 2002. Кубанский колхоз — в холдинг или асьенду? *Социологические исследования*. 1: 41–50.
- Серова Е. В. 2002. Зерно дает 400% годовых, а нефть в лучшем случае 80%. *Коммерческие вести*. 45 (20 ноября).
- Узун В.Я. 2004. *Крупный и малый бизнес в сельском хозяйстве России: адаптация к рынку и эффективность*. М.: ВИАПИ, ЭРД. 11.
- Узун В. Я., Гагаулина Е. А., Сарайкин В. А. и др. 2009. *Тенденции развития и механизмы взаимодействия крупного и малого бизнеса в агропромышленном комплексе*. М.: ВИАПИ, ЭРД. 24.
- Фадеева О. П. 2009. Земельный вопрос на селе: наступит ли «момент истины»? *Экономическая социология*. 10 (5): 50–71.
- Чаянов А. 1928. *Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий*. М.: Новая деревня.
- Guriev S., Rachinsky A. 2004. Russian Oligarchs: A Quantitative Assessment. *Beyond Transition*. 15 (1): 4–5.
- Hann Ch. 2003. *The Postsocialist Agrarian Question: Property Relations and the Rural Condition*. Münster: LIT (with the «Property Relations» Group).
- Hoffman D. 2002. *The Oligarchs: Wealth and Power in the New Russia*. New York: Public Affairs.
- Humphrey C. 2008 Historical Analogies and the Commune: The Case of Putin/Stolypin. In: West Harry G., Raman Parvathi (eds.). *Enduring Socialism*. Oxford; New York: Berghahn Books; 230–249.
- Ioffe G., Nefedova T., Zaslavsky I. 2006. *The End of Peasantry? The Disintegration of Rural Russia*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
- Koester U. 2007. Super-Large Farms: The Importance of Institutions. *Superlarge Farming Companies: Emergence and Possible Impacts*. Moscow.